

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 3 / 2026, Vol. 17, Iss. 3 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/20SCSK326.pdf>

DOI: 10.15862/20SCSK326 (<https://doi.org/10.15862/20SCSK326>)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Олешкевич, Т. А. Межэтническая коммуникация как фактор снижения межгрупповой напряженности и укрепления социальной гармонии в полиэтнических регионах / Т. А. Олешкевич, М. Р. Шарипова, В. А. Бурляева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20SCSK326.pdf>. DOI: 10.15862/20SCSK326.

For citation:

Oleshkevich T.A., Sharipova M.R., Burlyayeva V.A. Interethnic communication as a factor in reducing intergroup tensions and strengthening social harmony in multiethnic regions. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(3): 20SCSK326. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/20SCSK326.pdf>. DOI: 10.15862/20SCSK326. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 316.4

Олешкевич Татьяна Адольфовна

ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», Невинномысск, Россия
Доцент кафедры «Профессионального обучения»

E-mail: to@nevadm.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1164614

Шарипова Мадинабону Рахмон кизи

АНО ДПО «Учебно-научный центр исследований «Яхонт», Москва, Россия
Слушатель дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки
«Межэтническое взаимодействие: культура и этика народов России и Центральной Азии»

E-mail: Madinabonuww@gmail.com

Бурляева Виктория Арсентиевна

ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», Невинномысск, Россия
Профессор кафедры «Профессионального обучения»

Доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор

E-mail: burlyayeva-va@rambler.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=547214

**Межэтническая коммуникация как фактор снижения
межгрупповой напряженности и укрепления социальной
гармонии в полиэтнических регионах**

Аннотация. В статье рассматривается проблема межэтнической коммуникации как ключевого фактора, определяющего вектор развития современных полиэтнических обществ как фактор трансформации этнокультурного разнообразия из потенциального источника конфликта в ресурс социального развития. На основе системного, институционального и коммуникативного подходов анализируются механизмы влияния коммуникации на социальную гармонию. Авторы анализируют двойственную природу этнического разнообразия: выступая потенциальным ресурсом для генерации социального капитала и обогащения культуры при отсутствии конструктивных механизмов взаимодействия оно трансформируется в источник напряженности и конфликта.

Анализ механизмов влияния межэтнической коммуникации на межгрупповую напряженность и социальную гармонию позволяет сделать вывод о том, что межэтническая коммуникация может способствовать укреплению социальной гармонии снижением стереотипизации и предрассудков посредством позитивного межгруппового контакта, формированием общенациональной идентичности через диалог культур, изучением институциональных и коммуникативных барьеров межэтнического взаимодействия: языковых, психологических и институциональных, а также роли социальных институтов в управлении межэтническими отношениями.

В научно-дискуссионной части статьи осмысливается редукционистское понимание социальной гармонии как отсутствие межгрупповых конфликтов и предлагается авторская трехуровневая модель коммуникативной интеграции полиэтнического общества (информационный, ценностный, поведенческий уровень). Выделяются ключевые факторы успешной межэтнической коммуникации: институциональная среда доверия, равноправие между участниками коммуникации, общность целей, культурные коды доверия и медийно-образовательная среда. Авторами формулируются практические рекомендации для органов государственной власти по гармонизации межнациональных отношений, определяются перспективы дальнейших исследований данной проблематики.

Ключевые слова: межэтническая коммуникация; социальная гармония; полиэтнический регион; межгрупповая напряженность; социальный капитал; мультикультурализм; коммуникативная интеграция; этническая идентичность

Введение

Мир сегодня становится все более разнообразным, и это разнообразие одновременно является его ключевым богатством и одной из самых значимых проблем, при разрешении которых будут определяться ключевые черты современной цивилизации. Благодаря глобализации, развитию транспорта и цифровых коммуникаций, интенсификации миграционных процессов почти в любом современном регионе мира население в той или иной мере представляет собой полиэтническое целое. Как будет устроиться это сосуществование — на базе взаимного уважения, диалога и сотрудничества или на базе подозрительности, стереотипов и конфликта — остается одной из самых важных проблем нашего времени.

Именно здесь и возникает актуальность проблемы межэтнической коммуникации. Межэтническая коммуникация есть не только обмен информацией между представителями разных этнических групп, но и многоуровневый процесс взаимодействия, в ходе которого люди конструируют взаимные образы, формируют взаимные установки, строят или разрушают доверие, создают или ослабляют социальные связи, которые объединяют полиэтническое сообщество.¹ Именно через нее определяется то, станет ли этническое разнообразие источником взаимного обогащения или, напротив, будет источником межгрупповой напряженности и конфликта.

Противопоставление социальной гармонии и этнической фрагментации есть одно из центральных противоречий в современных полиэтнических обществах. С одной стороны, Р. Патнэм показывает, что при наличии механизмов конструктивного межгруппового взаимодействия полиэтнические сообщества в состоянии генерировать значительно более высокий уровень социального капитала и активности гражданского общества, чем этнически однородные [1].

¹ Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. — М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. — 288 с. [https://znanium.ru/catalog/document?id=293793\[^2\]](https://znanium.ru/catalog/document?id=293793[^2]) (дата обращения 02.07.2026).

С другой стороны, при отсутствии механизмов конструктивного взаимодействия между представителями разных групп этническое разнообразие может стать источником взаимного недоверия и межгрупповой напряженности, которая впоследствии будет способна дестабилизировать социальную жизнь целого региона. Теоретическую базу для понимания природы межэтнической коммуникации как социального феномена заложили Ю. Хабермас (теория коммуникативного действия) [2], Г. Тэджфел и Дж. Тернер (теория социальной идентичности) [3] и Г. Олпорт (контактная гипотеза) [4].

Л. М. Дробижева — один из крупнейших в России ученых, изучавших межэтнические отношения, в ряде своих исследований этничности в России продемонстрировала зависимость характера межэтнических коммуникаций от исторических, институциональных, культурных и ситуативных факторов [5; 6], а В. А. Тишков, чьи труды посвящены российской полиэтничности в мировом масштабе и сравнению ее с полиэтничностью в других странах мира, указал на управление этническим разнообразием как ключевую задачу современного государства [7].

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью перехода от реактивной национальной политики (предотвращение открытых конфликтов) к проактивной политике формирования позитивной гражданской идентичности. В условиях нарастающей цифровизации социальных взаимодействий трансформируются традиционные институты социализации, что требует переосмысления классических теорий межкультурного контакта применительно к онлайн-среде. Кроме того, опыт России как крупнейшего полиэтнического государства, в свою очередь, требует концептуализации успешных практик управления многообразием с учетом специфики постсоветского пространства.²

Дополнительно актуальность определяется устремлениями к инклюзивному обществу, закрепленными в Повестке дня ООН в области устойчивого развития до 2030 года.³

Целью настоящей статьи является выявление механизмов влияния межэтнической коммуникации на социальную гармонию в полиэтнических регионах и определение условий их оптимального функционирования. Для достижения поставленной цели нами решались следующие задачи:

- раскрыть содержание понятий «межэтническая коммуникация» и «социальная гармония» в рамках современной социологии и этнологии;
- систематизировать основные теоретические подходы к пониманию межэтнической коммуникации и межгрупповых отношений;
- выделить основные индикаторы социальной гармонии на институциональном, групповом и межличностном уровне;
- описать модели межэтнической коммуникации, по отношению к социальной интеграции (оптимистичные или пессимистичные) и выявить коммуникативные барьеры на каждом из трех уровней;
- проанализировать доступные эмпирические данные о том, какие стратегии управления межэтнической коммуникацией наиболее эффективны в полиэтнических регионах.

² Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред.: В. А. Тишков, А. В. Черных. Пермь: Изд-во «Маматов», 2024. — 456 с. [https://static.iea.ras.ru/news/ED2024_6%20\(1\).pdf](https://static.iea.ras.ru/news/ED2024_6%20(1).pdf) (дата обращения: 06.08.2026).

³ ООН. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. — Нью-Йорк: ООН, 2015. — 44 с. https://ggim.un.org/documents/A_Res_70_1_r.pdf (дата обращения: 03.08.2026).

Объект исследования — межэтническая коммуникация в полиэтнических регионах как социальный процесс.

Предмет исследования — механизмы влияния межэтнической коммуникации на уровень межгрупповой напряженности и социальной гармонии.

Теоретическая значимость заключается в систематизации механизмов влияния и разработке авторской модели уровней коммуникативной интеграции.

Практическая значимость состоит в возможности использования выводов при разработке программ этнонациональной политики и стратегий управления межэтническими отношениями в полиэтнических регионах.

Исследование опирается на синтез **методологических подходов**:

- системный подход, позволивший рассмотреть коммуникацию как элемент сложной социальной системы;
- коммуникативный подход, рассматривающий взаимодействие как самостоятельный фактор трансформации отношений;
- институциональный подход, который фокусируется на роли образования, средств массовой информации (далее — СМИ) и органов власти.

Эмпирической базой послужил комплекс методов: контент-анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации, анализ вторичных данных социологического мониторинга², сравнительные кейс-стади опыта Канады, Индии и России [1; 8], а также использование международных индикаторов ООН.³

Основная часть

1. Теоретические основы исследования

1.1 Эволюция понятий

Прежде чем перейти к анализу механизмов воздействия межэтнической коммуникации на социальную гармонию, необходимо четко определиться с тем, что понимается под этими двумя понятиями — понятиями достаточно широко, но нередко весьма содержательно различно употребляемыми в научном дискурсе. Понятие «межэтническая коммуникация» было введено в середине XX века (Э. Холл, «Немой язык») [9] с демонстрацией мысли о том, что люди разных культур не только говорят на разных языках, но по-разному структурируют пространство и время, организуют невербальное поведение и т. д. Именно эти культурно обусловленные различия и являются главными источниками коммуникативных недопониманий и межкультурных конфликтов.

А. П. Садохин в своем учебнике по межкультурной коммуникации определяет ее как процесс смыслообразования сквозь призму культур: «особый вид коммуникации, который возникает, когда отправитель сообщения и его потенциальный или реальный получатель принадлежат к различным культурам или этническим группам».¹

Ю. Хабермас противопоставляет коммуникативное действие (достижение взаимопонимания) стратегическому действию (манипуляция) [2].

Применительно к межэтническим отношениям эта мысль сохраняет свою актуальность: подлинная межэтническая коммуникация, ориентированная на взаимопонимание, решительно отличается по своим социальным последствиям от коммуникации как средства манипуляции или инструмента достижения эксклюзивных целей.

Р. Патнэм в своих исследованиях связующего и соединяющего социального капитала предложил понимать социальную гармонию как наличие у общества благоприятных уровней так называемого «соединяющего» социального капитала [1]. Соединяющим капиталом называется доверие и готовность сотрудничать между различными общественными группами. В полиэтническом обществе социальная гармония предполагает развитие прежде всего соединяющего типа капитала, того капитала, который сплачивает людей, несмотря на все их различия. Формирование соединяющего социального капитала и есть главная функция межэтнической коммуникации или, при негативном ее наполнении, функция разрушения этого капитала.

Впоследствии понятие межэтнической коммуникации существенно расширилось и обогатилось за счет вкладов социологов, психологов, лингвистов, политологов и других ученых.

Понятие межэтнической коммуникации получило развитие в отечественной науке прежде всего в контексте этносоциологии и этнопсихологии. Л. М. Дробижева определяет межэтническую коммуникацию как «систему взаимодействий между представителями разных этнических групп, опосредованную их этническими идентичностями, культурными установками и социально-историческим опытом» [5]. Именно последнее обстоятельство является ключевым: межэтническая коммуникация не сводится к акту коммуникации между представителями этнических групп «А» и «В», а предполагает учет того фактора, что оба эти представителя, прежде всего люди, со своими складывавшимися на протяжении многих лет представлениями о мире.

Что касается понятия «социальная гармония», то оно в научном обиходе еще менее определено, чем понятие «межэтническая коммуникация». В самом общем смысле под социальной гармонией понимается относительное отсутствие острых социальных конфликтов в обществе, высокий уровень взаимного доверия и поддержки между различными группами населения и механизмов мирного урегулирования конфликтов, а также чувство причастности к единому социальному сообществу у большинства людей в этом обществе [5]. Социальную гармонию не следует путать с понятием социального единообразия, так как гармоничное общество не предполагает отсутствия разногласий и конфликтов между разными группами его населения, но предполагает наличие таких механизмов и институтов, при которых эти разногласия не разъедают социальную ткань общества, а делают его только богаче и разнообразнее.

1.2 Подходы к анализу этнокультурного разнообразия

В современной науке сложилось как минимум три основных подхода к изучению этнокультурного разнообразия как социального фактора и его влияния на полиэтническое общество:

- конфликтологический — рассматривает группы как конкурентов за ресурсы [5];
- интегративный — видит в разнообразии ресурс [10; 11];
- коммуникативный — акцентирует внимание на формах и каналах взаимодействия как самостоятельном факторе.

Каждый из этих подходов делает на своей специфической ступени абстракции определенные фокусировки и предлагает собственную систему объяснений, и знание основных положений каждого из этих подходов будет важной теоретической предпосылкой настоящего исследования.

Конфликтологический подход начинает с представления об этническом разнообразии как о потенциальном источнике конфликта. При этом этнические группы рассматриваются как собирательные акторы, стремящиеся максимизировать свою долю ресурсов и представляющие собой своего рода конкурирующие целостности. Иными словами, в рамках конфликтологического подхода этнические группы с первого до последнего предложения изображаются как коллективные субъекты конфликта [5]. Межэтническая коммуникация в этом подходе предстает главным образом как площадка для борьбы за контроль над символическим полем общества и за определяющую власть над теми нормами и ценностями, которыми живет это общество.

Г. Тэджфел и Дж. Тернер в своей социальной теории идентичности предложили другую модель межгрупповых отношений [3]. Согласно этой модели, конфликт является не результатом самой по себе несхожести между людьми, а результатом взаимодействия социальных групп в определенных условиях, в частности стремления людей к позитивной социальной идентичности. Если понимать межэтнические отношения через призму этой теории, становится понятно, что они не обречены на конфликт заранее и что улучшить их можно практически при любых условиях.

Интегративный подход к изучению этнокультурного разнообразия, в отличие от конфликтологического, исходит из представления об этом разнообразии как о ресурсе — ресурсе общества и его культуры. У. Кимлика в своей теории либерального мультикультурализма доказывает, что государственное признание и поддержка культурной самобытности этнических меньшинств далеко не обязательно ведет к расколу общества на непримиримые друг с другом этнические блоки [10]. Напротив, при условии соблюдения общегражданских принципов и норм поддержка культурной самобытности может быть важным фактором формирования когезии в полиэтническом обществе. Дж. Берри в рамках своей модели аккультурации идентифицирует четыре стратегии межкультурного взаимодействия и показывает, что именно интеграция как стратегия, сочетающая позитивные чувства к своей собственной культуре с позитивными отношениями к принимающей культуре дает лучшие результаты и для индивидов, и для общества в целом [11].

Н. М. Лебедева и А. Н. Татарко, изучая стратегии межкультурного взаимодействия в контексте российской миграции, продемонстрировали, что выбор стратегии аккультурации обусловлен сложным сочетанием как индивидуальных черт личности мигрантов, так и социально-психологических характеристик межкультурного климата, который их встречает.⁴ Результаты их исследований убедительно показывают, что позитивная коммуникация, а именно контакты на равных между представителями разных культур на основе взаимного уважения и интереса культуре другого, является одним из самых мощных предикторов интеграционной стратегии аккультурации как у представителей мигрирующих, так и принимающих этнических групп.

Наконец, коммуникативный подход, лежащий в методологической основе данной работы, рассматривает межэтническую коммуникацию не просто как результат или отражение каких-то других факторов, но как самостоятельный фактор формирования и трансформации этнокультурных отношений [2]. При этом коммуникативный подход акцентирует внимание не только на содержании межэтнической коммуникации, но и на формах и каналах ее осуществления, на роли посредников и специалистов в данной сфере.

⁴ Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Под редакцией Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко. — Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2009. — 420 с. — ISBN 978-5-209-03213-7. — EDN XFBFAP. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27557750>; <https://www.hse.ru/data/2010/03/26/1217636842/8.2009.pdf> (дата обращения 12.07.2026).

В. К. Малькова и В. А. Тишков в своих исследованиях показывают значение массовых медиа как основного производителя символического материала по межэтническим отношениям в современном обществе [12].

Наконец, Б. Андерсон в своей классической работе о воображаемых сообществах показывает, что национальная и этническая идентичность есть не что иное, как социальный конструкт, создаваемый как рядом других институтов, так и самой коммуникацией, способом конструирования и распространения общих нарративов, символов и ценностей [13]. Это значит, что через межэтническую коммуникацию можно как закреплять негативные стереотипы в восприятии представителей разных этнических групп, так и с этим бороться, внедряя новые позитивные нарративы и инициируя новые формы коммуникативного взаимодействия.

1.3 Социальная гармония как процесс

Социальная гармония — это непрерывное стремление к состоянию общества, в котором этнокультурное разнообразие служит источником обогащения, а не источником конфликтов. Именно постоянство этого процесса и делает межэтническую коммуникацию фактором первостепенной важности для его поддержания и развития.

Современные исследования различают три основных уровня социальной гармонии, на каждом из которых она обеспечивается своим набором механизмов [5]:

- **Институциональный уровень:** предполагает наличие государственных механизмов обеспечения прав и свобод этнических меньшинств и граждан на основе равенства всех перед законом, механизмов разрешения межэтнических конфликтов на ненасильственной основе и т. д.; социальная гармония измеряется такими индикаторами, как наличие антидискриминационных законов, эффективность омбудсменских и медиационных институтов, представительность этнических меньшинств в политической и культурной жизни общества и т. д. [8; 14].
- **Групповой уровень:** предполагает наличие позитивных взаимоотношений между разными этническими группами в обществе на уровне межгрупповых установок (взаимного доверия, уважения и т. д.). На этом уровне социальная гармония измеряется такими индикаторами, как уровень межэтнического доверия, характер и частота межэтнических контактов, уровень этнической сегрегации в жилищной сфере и т. д. [1; 4; 15].
- **Индивидуальный уровень,** который определяется наличием или отсутствием у реальных людей разных культур позитивных взаимоотношений друг с другом (наличие межэтнических дружеских контактов, частота смешанных браков, уровень межэтнической эмпатии и др.) Мигрантка М. Веркуйтен в своей книге «Психология этничности» поделилась социально-психологическими открытиями, свидетельствующими о том, что именно на межличностном уровне абстрактные групповые представления обретают конкретное содержание в виде реального отношения к конкретному человеку, и даже могут меняться под влиянием этого человека и его рассказов о своей культуре [16].

1.4 Теоретико-методологические основания исследования

Настоящее исследование опирается на *системный подход* как на общую методологическую линзу, через которую мы будем смотреть на изучаемые нами процессы. Системный подход предполагает рассматривать межэтническую коммуникацию не как изолированное явление, а как элемент социальной системы межэтнических отношений с ее историческими, культурными, институциональными и психологическими компонентами, взаимодействующими между собой [7].

Именно системная оптика исследования позволяет нам избежать редукционизм, то есть сведение межэтнических отношений к одному из их измерений, и увидеть коммуникацию во всей многомерности и сложности.

В. А. Тишков последовательно применяет системный подход в своих исследованиях российской полиэтничности и показывает, что межэтнические отношения в России обусловлены всем комплексом исторических, демографических, экономических, политических и культурных факторов, и ни один из них не является определяющим в отрыве от остальных [8]. Этот подход крайне важен для нашего исследования, поскольку он помогает нам не сводить межэтническую коммуникацию к независимой переменной, механически производящей состояние социальной гармонии, а рассматривать ее как элемент внутри сложной системы с множеством других факторов, определяющих ее эффективность.

Помимо системного, мы в нашем исследовании также опираемся на *институциональный подход*, предполагающий анализ влияния различных социальных институтов на состояние межэтнических отношений и характера межэтнической коммуникации. Институциональный подход исходит из представления о том, что индивидуальные коммуникативные практики людей не возникают в вакууме: они формируются и воспроизводятся в определенных институциональных условиях, которые определяют как нормы, так и ресурсы и стимулы для одних или других форм межэтнического взаимодействия [2]. Именно поэтому анализ институциональных факторов позволяет считать его обязательным для любого исследования в данной области.

Ю. Хабермас считает коммуникацию возможной лишь при наличии определенных институциональных условий, прежде всего условий равноправного участия всех участников коммуникации и отсутствия системного искажения коммуникации в угоду интересов одной из сторон [2]. Это утверждение имеет прямые методологические следствия для нашего исследования: оценивая качество межэтнической коммуникации в каком-то конкретном полиэтничном регионе, мы должны учитывать именно эти институциональные факторы.

В. А. Ядов пишет о том, что методологические основания исследования должны прежде всего соответствовать его предмету и целям.⁵ Применительно к нашему исследованию это значит, что мы должны использовать сразу несколько методологических подходов, каждый из которых одинок, не способен охватить всю полноту изучаемого явления. Именно такое сочетание трех подходов (системного, институционального и коммуникативного) легло в методологическую основу настоящей работы.

Методологическая многомерность нашего исследования определяет его методическую многоплановость. Чтобы получить максимально объективное и полное знание о том, как именно межэтническая коммуникация влияет на социальную гармонию, мы использовали не один метод исследования, а целую серию, каждый из которых при необходимости может быть развернут до уровня методологической парадигмы:

- Контент-анализ нормативно-правовых актов и программ национальной политики в сфере межэтнических отношений, начиная от конституционных норм и кончая законодательством о языковой политике или государственными программами гармонизации межэтнических отношений, позволяющий выявить как декларируемые принципы и приоритеты государственной политики в этой области, так и законодательные рамки, в которых осуществляется межэтническое взаимодействие, концептуальные предпосылки государственной

⁵ Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. — 3-е изд., испр. — Москва: Омега-Л, 2007. — 567 с. — (Университетский учебник) https://www.isras.ru/files/File/publ/Scan_2018/Yadov_Strategiya_soc_issledovaniya_2007.pdf (дата обращения 04.07.2026).

национальной политики и оценить ее современную научно-обоснованность. Э. А. Паин подчеркивает, что нормативно-правовые акты и государственные программы являются не просто техническими документами, а важнейшим символическим выражением представлений власти о природе этнического разнообразия и ее роли в этом разнообразии [8; 14].

- Анализ вторичных эмпирических данных (эмпирические исследования и данные о межэтнических отношениях и их характере, которые создавались другими исследователями или организациями до нашего исследования), позволяющих охватить как максимально широкие временные периоды, так и географическое пространство, которые были бы просто недоступны для изучения в рамках одного оригинального исследования [1; 4; 5].

- Метод кейс-стади полиэтнических регионов, позволяющий получить максимально глубокие и контекстно насыщенные знания о конкретных случаях успешной или неуспешной межэтнической интеграции там, где обобщенная статистика не всегда позволяет выявить эти знания [11].

- Сравнительный анализ через сопоставление друг с другом опыта разных полиэтнических регионов и стран в управлении межэтническим разнообразием и стремление извлечь из этого сопоставления обобщающие выводы и практические уроки.

2. Механизмы влияния межэтнической коммуникации на социальную гармонию

2.1 Позитивная коммуникация

Если пришлось бы описать основное впечатление от десятилетий исследований в сфере межэтнических отношений одним предложением, то можно было бы сказать так: люди боятся и не любят тех, кого не знают. Стереотипы и предрассудки (главные враги социальной гармонии в полиэтническом обществе) питаются прежде всего незнанием и отсутствием реального опыта общения и взаимодействия с представителями других этнических групп, и именно поэтому позитивная межэтническая коммуникация (подлинный, равноправный, взаимно уважительный контакт между людьми различного этнического происхождения) является одним из наиболее мощных инструментов для снижения межгрупповой напряженности и укрепления социальной гармонии.

Г. Олпорт в своей контактной гипотезе, ставшей одной из самых цитируемых теорий в социальной психологии межгрупповых отношений, показал, что межгрупповой контакт может существенно уменьшать уровень предрассудков (если при этом соблюдаются определенные условия) [4]. Стороны должны иметь равный статус в условиях контакта: контакт между группой угнетателей и группой угнетаемых, в рамках которого неравенство между ними поддерживается и закрепляется, не уменьшает предрассудков, а, напротив, обостряет и усиливает их. Участники контакта должны иметь общие цели, достижение которых возможно только через сотрудничество. Наконец, контакт должен поддерживаться авторитетными институтами (школой, государством, религиозными организациями) и создавать реальные предпосылки для развития подлинных межличностных отношений между представителями групп. Значение контактной гипотезы для данного исследования трудно переоценить: предоставляя научно обоснованную модель того, при каких условиях и как именно межэтническая коммуникация способна уменьшать межгрупповую напряженность и способствовать социальной гармонии, она становится отправной точкой нашего обзора по этой теме. Н. М. Лебедева и А. Н. Татарко в своих исследованиях межкультурного взаимодействия между мигрантами и коренным населением России приходят к выводам, подтверждающим результаты Олпорта в российском контексте: опыт позитивного равноправного контакта с представителями других этнических групп предсказывает более низкий уровень межэтнических предрассудков и более высокий уровень межэтнического доверия в россиянах больше всех других факторов.⁴

Что касается механизма снижения предрассудков через позитивную коммуникацию, то он хорошо изучен на индивидуально-психологическом уровне. Г. Тэджфел и Дж. Тернер показали, что стереотипизация не является результатом индивидуальной злобы или даже глупости, а есть нормальный когнитивный процесс сегментации социального мира, который неизбежно сопровождает процесс групповой идентификации [3]. Если мы видим человека прежде всего как представителя определенной этнической группы, а не уникальную индивидуальность, мы автоматически будем приписывать этому человеку все те характеристики, которые мы ассоциируем с этой группой в целом. Реальный межличностный контакт разрушает эту когнитивную схему: конкретный член другой этнической группы перестает быть для нас абстрактным объектом категории «чужой» и начинает представляться нам живым человеком с именем, биографией и индивидуальными особенностями, которые не всегда будут совпадать с обобщенным стереотипом о его этнической группе в целом.

Л. М. Дробижева в своих наблюдениях за межэтническими отношениями в российских регионах также фиксирует стабильную корреляцию между уровнем межэтнических контактов в повседневной жизни и уровнем межэтнической напряженности: в регионах России, где наблюдается более интенсивная и более равноправная межэтническая коммуникация, и где, как правило, наблюдается более низкий уровень межэтнической напряженности и более высокий уровень взаимного доверия между местными этническими группами [5].

В. К. Малькова и В. А. Тишков в своем исследовании влияния СМИ на формирование межэтнических установок также приходят к важному выводу о значении медиа как фактора формирования межэтнических установок (как в положительном, так и в негативном направлении): пропагандирующие сбалансированные не стереотипные уважительные образы различных этнических групп и демонстрирующие успешные примеры межэтнического сотрудничества. Медиа способны значительно уменьшать уровень стереотипизации даже у тех членов общества, которые вовсе не имеют личного опыта общения с представителями других этнических групп, и, наоборот, использующие этнические стереотипы в своей работе и акцентирующие внимание на этнических различиях и конфликтах СМИ продуцируют и воспроизводят в обществе предрассудки, которые являются ядом для позитивной межэтнической коммуникации [12].

2.2 Диалог культур

Уменьшение стереотипов и предрассудков благодаря позитивной коммуникации, является необходимым условием социальной гармонии в полиэтничном обществе, но далеко не достаточным, так как подлинная гармония предполагает не просто отсутствие враждебности, а наличие общей идентичности, объединяющей представителей различных этнических групп и заставляющей их чувствовать принадлежность к единому сообществу. Именно диалог культур, а не просто толерантность к чужому или равнодушие к нему, является главным инструментом формирования такого рода общей идентичности.

Б. Андерсон показал, что любое сообщество более крупное, чем сельский населенный пункт, в котором все жители знакомы друг с другом, является «воображаемым», то есть существует в основном в сознании своих членов в виде общих нарративов и представлений о себе как о «нации» [13].

Это значит, что общенациональная идентичность полиэтнического общества не дана изначально, она складывается и поддерживается коммуникацией. Межкультурный диалог выступает процессом, в ходе которого представители разных культур обмениваются своими историями и находят в них общие моменты, является одним из ключевых инструментов формирования общенациональной идентичности.

У. Кимлика в своей концепции мультикультурного гражданства делает важнейшее различие между политикой ассимиляции и политикой мультикультурного гражданства [10]. Первая предполагает отказ представителей этнических меньшинств от своей культурной идентичности как условие их полноценного вхождения в общество. Вторая, напротив, основана на уважительном отношении к разнообразию культурных традиций и практик групп, населяющих данное государство. По мнению У. Кимлики, именно мультикультурная политика наилучшим образом способствует созданию подлинной общенациональной идентичности, когда члены этнических меньшинств чувствуют, что их культурная самобытность ценится и уважается, они более склонны видеть свою принадлежность к общему гражданскому сообществу.

Л. М. Дробижева в своих монографиях об идентичности и межэтнических отношениях в российских регионах делает вывод о позитивной взаимосвязи этнической и гражданской идентичностей в условиях мультикультурного диалога [6]. Члены этнических меньшинств, уверенные в том, что их культурная самобытность ценится и уважается, более склонны проявлять позитивную этногражданскую идентификацию, нежели члены тех меньшинств, которые воспринимают государство как угрозу своей культурной самобытности. Именно это наблюдение лежит в основе тезиса о позитивном значении межкультурного диалога для формирования общественной гармонии.

Дж. Берри в своей модели аккультурации делает вывод об особой позитивности интеграционной стратегии аккультурации как для этнических меньшинств, так и для общества в целом [11]. Сохраняя свою культурную идентичность и открываясь в своем культурном общении с представителями других групп, люди приобщаются друг к другу не на уровне отказа от своей культуры или чужой, а на более глубоком уровне культурного обогащения. Такая стратегия, воплощенная на практике в виде межкультурного диалога, способствует укреплению общественной гармонии.

2.3 Коммуникативные барьеры

Как и любое благо, позитивный потенциал межэтнической коммуникации имеет определенные границы и условия своего существования. Без учета барьеров и факторов, негативно влияющих на качество межэтнической коммуникации, любое описание положительного потенциала межэтнической коммуникации будет односторонним. Реальная межэтническая коммуникация происходит не в изолированном виде, а в сложном поле факторов, которые либо способствуют развитию диалога и уменьшению предрассудков, либо, напротив, создают серьезные препятствия для позитивной коммуникации.

К языковым барьерам межэтнической коммуникации мы уже обращались: как ни парадоксально, но отсутствие общего языка между представителями разных культур является самым очевидным и изученным барьером на пути к позитивной межкультурной коммуникации. А. П. Садохин, рассматривая проблемы межкультурной коммуникации, подчеркивает, что различия в языке мешают не просто обмену информацией, но и глубокому пониманию, поскольку язык является носителем культурных кодов и ценностей. Человек, не свободно владеющий языком другой культуры и пытающийся на этом языке объяснить представителю этой культуры, автоматически оказывается в условиях неравенства, поскольку будет не полностью выражать свою позицию.¹

Психологические барьеры к межэтническому диалогу во многом вытекают из самой природы этнической идентичности и ингрупповой предвзятости. Тэджфел и Тернер в своей теории самоидентификации показали, что сама постановка метки «мы» и «они» включает механизмы ингруппового фаворитизма и восприятия членов своей группы более позитивно, нежели членов другой группы [3].

Этот механизм работает автоматически и бессознательно. В отличие от когнитивных барьеров межэтнической коммуникации психологические барьеры чаще всего остаются для человека незаметными. М. Веркуйтен в своих работах по социальной психологии этнической идентичности и межгрупповым отношениям показывает, что страх быть неправильно понятым или выглядеть вопиюще неловко в ситуации межэтнического контакта является одним из сильнейших психологических барьеров к межэтнической коммуникации [16].

Наконец, институциональные барьеры представляют собой, пожалуй, самую системную категорию факторов негативного влияния на межэтнический диалог. Они заключены в любых учреждениях и организациях, которые по какой-либо причине формируют условия для отчуждения представителей разных этнических групп друг от друга. Наиболее очевидными примерами являются сегрегированные системы образования, системы массовых медиа, создающие стереотипные образы этнических меньшинств и акцентирующие внимание на их отличиях от «русской культуры», и системы государственной власти, игнорирующие интересы представителей некоторых этнических групп.

С. Н. Абашин в работе об истории национализмов в странах Средней Азии показывает, как советская система национального строительства и национальных политик при всех своих успехах в создании экономически целостного пространства и инфраструктуры межнационального сотрудничества, создала системные условия для этнической фрагментации и взаимного подозрения [17]. История постсоветского пространства убедительно демонстрирует, насколько институциональная среда, в которой формировались люди на протяжении десятилетий, продолжает влиять на их восприятие и взаимодействие с другими долго после изменения официальной идеологии.

2.4 Роль социальных институтов

Ключевыми агентами выступают система образования (формирование установок детей, впервые получающих системный опыт взаимодействия с представителями других культур и языков), массмедиа (производство символического материала) и государство (создание среды доверия).

Роль массмедиа в межэтнических отношениях можно описать словами о двойственности: с одной стороны, массовые коммуникации обладают колоссальным потенциалом как в укреплении гармонии, так и в разжигании конфликтов, с другой стороны, качество массмедиа в обществе определяет качество межэтнических отношений в стране. Медиа продуцируют и воспроизводят в обществе как стереотипные, экзотизирующие образы этнических меньшинств, так и негативные конфликтные новостные истории с участием представителей разных этнических групп.

Средства массовой информации, создающие более разнообразные позитивные образы и показывающие примеры успешного межэтнического сотрудничества и взаимопонимания на своих страницах, играют огромную роль в формировании более позитивного климата в обществе.

Р. Патнэм в своих работах по социальному капиталу обращает особое внимание на роль государства и органов власти как гарантов условий для межэтнического диалога [1]: Государство, реализующее консистентную политику поддержки прав всех этнических групп и создающее условия для позитивной межэтнической коммуникации и разрешения конфликтов, создает основу для межэтнического доверия; государство, демонстрирующее при этом свою этническую предвзятость или игнорирующее проблемы дискриминации, подрывает сам институт гражданского равноправия.

В работе В. А. Тишкова по управлению межэтническими отношениями рассматривается важнейший момент правоприменительной практики в этой области: государство должно создать не просто хорошие законы, но и систему их применения на всех уровнях (от федерального и регионального до местного) [7]. Именно на этом уровне институциональные гарантии для позитивной межэтнической коммуникации оказываются особенно значимыми для снижения напряженности и формирования климата взаимного доверия.

3. Эмпирические примеры и анализ

3.1 Кейсы успешной коммуникации

Пока теория и методология не коснутся живых людей с их историями, конфликтами и достижениями в области управления этническим разнообразием, эти люди продолжают существовать независимо от глубины построенных моделей и новизны выработанных подходов.

Именно эмпирический материал (опыт трех стран: Канада, Индия и Россия) с наибольшим этническим разнообразием помог нам выявить условия и механизмы, при которых позитивная коммуникация в состоянии улучшить межэтнические отношения в полиэтническом обществе.

Канада: политика официального мультикультурализма создала систему межэтнических отношений, центральным стержнем которой стал принцип признания и защиты культурной самобытности каждой этнической группы как ценности общенационального наследия.

У. Кимлик, как один из авторитетнейших исследователей мультикультурного гражданства, показывает, что канадская модель построена на осознании того, что признание культурной идентичности меньшинств не только не мешает формированию общегражданской идентичности у членов этих групп, но и способствует ее конструированию [10].

В институциональном отношении канадская модель функционирует через механизмы всеобщей поддержки культурной самобытности этнических групп: государственное финансирование культурных организаций этнических сообществ, двуязычие власти на федеральном уровне, образовательные программы межкультурного диалога, политическое представительство этнических меньшинств и так далее. Исследования показывают, что Канада имеет один из самых высоких уровней межэтнического доверия и позитивных межэтнических установок в ряду развитых полиэтнических стран [11].

Вместе с тем опыт Канады не является безупречным. Как показывают исследования коренных народов и истории их взаимодействия с канадским обществом в целом и канадским государством в частности, подход к ним исторически базировался на политике принудительной ассимиляции, оставившей глубокие травмы, далеко не все аспекты которых до конца ликвидированы и по сей день [18].

Индия: принцип «единства в многообразии» работает на локальном уровне, но уязвим при слабых механизмах защиты прав меньшинств. Страна с колоссальным количеством языков (более двухсот), этнических групп и религий, долгой историей межкультурных контактов и взаимовлияния, выбрав такой пусть как конституирующей черты индийской национальной идентичности, — единственная страна, где подобный принцип не только признается на официальном уровне, но и активно практикуется на реальном уровне взаимодействия людей разных этносов и регионов [1]. Индийский опыт наглядно демонстрирует, что позитивная межэтническая коммуникация и социальная гармония являются не результатом, которого органы власти должны добиваться любой ценой, а процессом, который необходимо поддерживать.

Опыт России, как крупнейшего в мире полиэтнического государства интересен прежде всего тем, что он наиболее непосредственно релевантен для полиэтнических регионов постсоветского пространства, включая Центральную Азию. Н. М. Лебедева и ее коллеги проделали большую работу по систематизации опыта регионов России и идентификации ключевых факторов, благодаря которым межэтнические отношения в этих регионах функционируют с большей или меньшей эффективностью⁵ [3; 4]. Исследования показывают, что наиболее устойчивые результаты по уровню межэтнической коммуникации и малой численности межэтнических конфликтов отмечаются там, где имеются исторически сложившиеся паттерны межэтнического взаимодействия, сформировавшиеся до осложнений советской национальной политики, благоприятный институциональный климат для развития межэтнических контактов и достаточно высокий уровень экономического развития региона.¹ Российский опыт интересен тем, что он хорошо наглядно обнажает ключевое противоречие полиэтнических обществ постсоветского типа: с одной стороны, совместная жизнь различных этнических групп в одном государстве или даже на одной территории на протяжении десятилетий или даже веков создает богатую базу для развития межэтнических контактов и межкультурного взаимообогащения. С другой стороны, практика советской национальной политики создала институциональное наследие для подлинно равноправной межэтнической коммуникации на современном этапе [17]. По мнению В. А. Тишкова, возможности преодоления этого наследия в том виде, в каком он сложился за последние два десятилетия, были и остаются достаточно высокими, но для этого требуется существенная работа как над выстраиванием конструктивной национальной политики, так и над изменением тех институтов, через которые реализуется взаимодействие между различными этносами [7].

3.2 Опыт комплексных программ межкультурной интеграции и медиаторского взаимодействия

Анализ кейсов может стать отправной точкой не только для идентификации общих закономерностей, но и для изучения конкретных программ и практик управления этническим разнообразием, которые на практике доказали свою эффективность в содействии позитивной межэтнической коммуникации. Такими программами и практиками, которые в наибольшей степени определяют институциональную среду межэтнической коммуникации, являются: комплексные программы межкультурной интеграции и практики медиаторского взаимодействия.

Комплексные программы межкультурной интеграции — это, по большому счету, все те программы, которые мы абстрагировали выше под понятием «позитивная межэтническая коммуникация».⁴ Программы этого типа, как правило, объединяются следующими характеристиками:

- Они ориентированы не просто на передачу информации о представителях других культур или их символах и ценностях, а на создание живого эмпатического контакта, основывающегося на принципах непосредственного общения и взаимодействия. Это могут быть как личные встречи, так и совместные творческие проекты различных этносов, дающие людям возможность не просто «учить» другую культуру, но делиться опытом и создавать что-то новое вместе.
- Эффективные программы этнокультурного просвещения ориентированы на всестороннее развитие участников, помогают не только приобрести новые знания о других культурах и научиться уважать их, но и тренировать те коммуникативные навыки, которые позволят успешно и с уважением взаимодействовать с людьми других культур в повседневной жизни.

Практика медиаторского взаимодействия была разработана А. П. Садохиным как подход к межкультурной коммуникации, центральным элементом которой выступает компетентность медиатора как «фильтра» межэтнической коммуникации.¹ В российском контексте медиаторское взаимодействие выступает практически единственным инструментом управления этническим разнообразием и нивелирования возникающих конфликтов, который может быть определен достаточно четко на базе уже существующей научной литературы.

Согласно А. П. Садохину, эффективное медиаторское взаимодействие в межэтническом ключе базируется на четырех практиках¹:

- активной работе по познанию культур личностей, с которыми осуществляется взаимодействие;
- практике эмпатии как способности «проживать» культурные различия не как недостаток или угрозу, но как чужую точку зрения;
- мотивации к изменению отношения к другой культуре как процессу формирования новых установок и коммуникативных стратегий взаимодействия;
- метакоммуникативной рефлексии как осознания и управления процессами межкультурного общения в реальном времени.

3.3 Кейсы деструктивной коммуникации

Всесторонний анализ успешных примеров управления межкультурным разнообразием не будет полон без противоположных по содержанию примеров, когда межкультурная коммуникация приобретает деструктивный характер и становится фактором нарастания, а не уменьшения межгрупповой напряженности. Подобные кейсы представляют интерес не меньший, чем положительные: изучение ошибок и деструктивных практик позволяет выявить условия, при которых позитивный потенциал межкультурной коммуникации блокируется или деформируется и каких ошибок стоит избегать при проектировании политики межкультурных отношений [1; 13; 15; 17].

В условиях высокого этнического разнообразия при отсутствии механизмов позитивного межгруппового взаимодействия люди склонны не просто дистанцироваться от членов других этнических групп, но и снижают уровень доверия к людям даже своей группы.

Изучение кейсов деструктивной коммуникации и поляризации позволяет сформулировать несколько основных принципов профилактики межкультурной напряженности:

- необходимо создавать механизмы раннего выявления межкультурной напряженности в виде системы мониторинга и оценки динамики изменения уровня межкультурной напряженности в регионе;
- необходимо воспитывать у журналистского сообщества и гражданского общества культуру ответственного подхода к освещению тем, связанных с межкультурными отношениями, чтобы журналисты понимали, что характер освещения этих тем и событий в информационном пространстве является не нейтральным фактором, а сам по себе активным фактором их конструкции.

4. Научная дискуссия и авторский вклад

Научная дискуссия в любой живой области знания невозможна без критического осмысления актуальных концепций и выявления их ограничений.

В сфере исследования межэтнических отношений таким устойчивым и в то же время вредоносным концептуальным сокращением является редукционистское понимание гармонии только как отсутствия конфликтов. При всей очевидности и кажущейся логичности такого понимания оно настолько глубоко укоренилось в обыденном сознании и нередко даже проникает в научный дискурс, что требует специального критического разбора.

Редукционистский взгляд на гармонию в межэтнических отношениях как простое отсутствие конфликтов предполагает, что задача построения и управления межэтническими отношениями сводится к предотвращению межэтнических столкновений и поддержанию на фоне этого общественного спокойствия. При таком подходе, если в регионе нет межэтнических конфликтов, значит, все в порядке; если есть — значит, что-то пошло не так. Как правило, данный взгляд не выражается в научной форме и не представлен аргументацией, однако его последствия отчетливы в политике и этнологической экспертизе.

Прежде всего, редукционизм порождает иллюзию: если в данном регионе нет межэтнических конфликтов, значит, межэтнические отношения здесь прекрасные. Имея дело с такими иллюзиями в своей практической работе, исследователи не могут не отмечать, что именно такая ситуация чаще всего является следствием как раз низкого уровня межэтнической коммуникации и недоверия, а не его причиной. Л. М. Дробижева в своих многолетних наблюдениях за межэтническими отношениями в России неоднократно отмечает именно это: отсутствие конфликтов никак не гарантирует наличие социальной гармонии [5]. Социальная агрессия может быть заперта на замке внутри любой этнической группы или даже не выплескиваться наружу благодаря различным сдерживающим факторам (от государственного давления до экономической взаимозависимости или культурных норм, запрещающих открытое проявление межэтнической враждебности), но при этом общество может быть крайне напряженным из-за взаимного недоверия и скрытой дискриминации.

Ингруповой фаворитизм как склонность положительно относиться к членам своей группы, чем к чужим, не требует никаких специальных конфликтных стимулов для своего воспроизводства — это нормальный когнитивный процесс, происходящий в головах людей безотносительно к тому, встречаются ли представители разных этнических групп друг с другом в конфликте или нет. Политика, основанная только на предотвращении конфликтов и не учитывающая эти психологические и социальные механизмы, которые формируют межэтническую напряженность задолго до ее открытого проявления, просто неэффективна.

Э. А. Паин, анализируя национальную политику, особо подчеркивает тот факт, что многие постсоветские государства наследовали именно редукционистскую модель управления межэтническими отношениями — модель, при которой основным критерием успешности национальной политики является отсутствие межэтнических беспорядков, а не состояние межэтнического доверия или качество межэтнической коммуникации [14]. При этом игнорирование факторов межэтнической коммуникации приводит к институциональной близорукости: государство реагирует на симптомы конфликта, но не на его причины, и в большинстве случаев не имеет возможности упредить его своевременными мерами.

Напротив, Р. Патнэм в своих знаменитых исследованиях социального капитала предлагает именно противоположный критерий для оценки качества межэтнических отношений — не отсутствие конфликтов, а наличие и качество «связующего» социального капитала между различными этническими группами [1]. Этот критерий не только значительно более содержательный, но и более оперативный: он позволяет фиксировать состояние межэтнических отношений не просто по статистике конфликтных инцидентов, но обнаруживать скрытые проблемы даже в обществах с относительно благополучной межэтнической ситуацией и оценивать реальные успехи в тех случаях, когда напряженность все еще есть, но она вытеснена на более высокие, коммуникативные уровни.

М. Веркуйтен проводила исследования в области социальной психологии этнической идентичности и подчеркивает, что редукционистское понимание гармонии как простого отсутствия конфликтов часто используется как аргумент в пользу требования к представителям этнических меньшинств подавлять свою культурную идентичность ради общественного мира [16]. Такая точка зрения с неизбежностью приводит к ситуации, при которой подлинная гармония, базирующаяся на взаимном признании и уважении, подменяется принужденным конформизмом, когда меньшинства вынуждены скрывать свою отличность ради сохранения спокойствия большинства. Это не гармония, а тихая форма подавления.

4.1 Авторская модель уровней коммуникативной интеграции

На основании предыдущих теоретических размышлений и эмпирических данных нами предложена авторская модель уровней коммуникативной интеграции в полиэтническом обществе, которая призвана заполнить концептуальный пробел, выявленный при критике редукционизма и предложить полноценное и операциональное представление о том, что именно происходит в сфере межэтнической коммуникации на пути к достижению подлинной социальной гармонии.

Предлагаемая модель основывается на представлении о трех последовательных уровнях коммуникативной интеграции, каждый из которых является необходимым условием для следующего, однако сам по себе недостаточен для создания подлинной интеграции.

Информационный уровень характеризуется достаточным уровнем информации у членов всех этнических групп о друг друге (о наличии друг друга как значимых сообществ с собственными культурными особенностями, историческими нарративами и ценностями) и их способностью к функциональной коммуникации друг с другом в повседневных ситуациях. Это самый базовый и менее значимый уровень межэтнической интеграции на коммуникативной основе, но все же достаточный для того, чтобы межэтнические контакты в обществе осуществлялись регулярно и функционально. На данном уровне большинство грубых стереотипов, основанных на полном незнании о другом этническом коллективе, заменяются на более «информированные», основанные как минимум на знакомстве с его основными культурными особенностями.

Ценностный уровень означает не просто информированность людей о ценностях и культурных практиках другой группы, но и эмоциональное принятие этих ценностей участниками другой группы как законных и достойных уважения, что означает, что представители различных этнических групп не просто терпимо относятся друг к другу, но и уважительно, признавая друг друга, как потенциально обогащающее, а не угрожающее их идентичности явление [2].

Это объясняется тем, что люди могут знать о ценностях другой культуры и даже соглашаться с ними на уровне информации, но при этом по-прежнему придерживаться ценностей своей культуры и не стремиться к их пересмотру или изменению в сторону лучшего понимания друг друга. Л. М. Дробизева на протяжении многих лет изучает именно этот аспект — способы, с помощью которых ценностное приятие другого как нормального и уважаемого становится достаточным стимулом для желания измениться самому и стремления к истинному взаимопониманию [5; 18]. Исследователь приходит к выводу, что для этого требуется особое внимание к третьему уровню коммуникативной интеграции.

Поведенческий уровень — воплощение ценностей в реальных актах добрососедства, дружбы и совместной гражданской активности [12]. Именно на третьем уровне коммуникативная интеграция приобретает свой реальный социальный смысл: отвлеченная и внутренняя готовность признавать и уважать другие культуры превращается в реальный социальный капитал полиэтнического общества.

4.2 Факторы успешной межэтнической коммуникации

Исходя из вышеизложенного, можно выделить ряд ключевых факторов успешной межэтнической коммуникации в полиэтническом обществе:

- институциональная среда доверия;
- равноправие участников коммуникации;
- наличие общих целей и совместной деятельности;
- общие культурные коды доверия;
- качественная медийная и образовательная среда;
- управление цифровым измерением межэтнической коммуникации.

В условиях развития цифровых технологий и социальных сетей межэтническая коммуникация получила совершенно новое измерение, однако эта тема пока изучена крайне слабо. С одной стороны, развитие современных технологий создает небывалые ранее возможности для межэтнического контакта и диалога, преодолевая как географические, так и социальные барьеры, с другой стороны, алгоритмы социальных сетей склонны создавать информационные пузыри, изолирующие пользователей от контактов с людьми, не разделяющими их взгляды, что подкармливает этническую сегрегацию в информационном пространстве. Это цифровое измерение межэтнической коммуникации, несомненно, является одним из наиболее перспективных направлений для будущих исследований.

Все вышеперечисленные факторы успешной межэтнической коммуникации являются одновременно факторами конструирования общей идентичности этого общества — той идентичности, которая делает его способным быть примерно единым при всем многообразии его людей. Именно в этом, на наш взгляд, суть глубинного смысла межэтнической коммуникации как фактора социальной гармонии в полиэтническом обществе — смысла, который выходит за рамки самого понятия гармонии и задает саму суть того, что значит быть единым обществом [19].

Выводы и рекомендации

Социальная гармония — динамичный процесс постоянного воссоздания доверия, а не статичное отсутствие конфликтов. Общество без конфликтов, но с погребенными конфликтами и системными предрассудками не гармонично, это всего лишь общество с поверхностной стабильностью. Редукционистский подход к социальной гармонии научно несостоятелен.

Межэтническая коммуникация влияет на социальную гармонию через снижение стереотипов, создание межгруппового доверия и конструирование общей идентичности, требуя соблюдения условий равноправного контакта [4].

Предложенная модель выделяет три последовательных уровня интеграции (информационный, ценностный, поведенческий уровень), переход между которыми требует целенаправленных усилий.

Институты определяют направленность изменений: успешность моделей Канады, Индии и России, прямо зависит от качества институциональной среды [7; 11; 14].

Для успешной межэтнической коммуникации требуется совокупность факторов. Ни один из предыдущих выводов не может быть рассмотрен изолированно от остальных, так как успешная межэтническая коммуникация (а как результат — коммуникативная интеграция общества) определяется совокупностью взаимосвязанных друг с другом факторов, среди

которых: наличие институциональной среды доверия, равноправие всех участников коммуникации, общие цели и задачи, «культурные коды доверия» и т. д. [5; 12]. Отсутствие одного из факторов понижает интегративный потенциал межэтнической коммуникации и повышает риск ее деградации до деструктивного взаимодействия.

Как следствие из этих пяти выводов можно сформулировать несколько **рекомендаций** для политики в сфере этнонациональных отношений:

- переориентация государственных программ с предотвращения беспорядков на развитие межкультурной компетентности;
- разработка языковой политики, балансирующей поддержку языков меньшинств и русского языка как средства консолидации;
- внедрение профессиональных стандартов ответственного освещения этнических тем в СМИ вместо цензуры;
- создание федеральной системы мониторинга качества межэтнической коммуникации (характер установок, уровень доверия).

Направления для дальнейших исследований: цифровая межэтническая коммуникация и трансформация межэтнических отношений в среде социальных сетей и онлайн-платформ; разработка валидных методик измерения коммуникативной интеграции, долгосрочные эффекты этносоциальной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Putnam R.D. E pluribus unum: Diversity and community in the twenty-first century / R.D. Putnam — DOI: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x // Scandinavian Political Studies. — 2007. — Vol. 30. — P. 137–174. (дата обращения 19.07.2026).
2. Хабермас, Юрген (1929). Теория коммуникативной деятельности / Юрген Хаберман; перевод с немецкого А. К. Судакова. — Москва: Весь мир, 2022. — 878 с.: ил., табл.; 25 см.; ISBN 978-5-7777-0856-4: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011173004> (дата обращения 02.07.2026).
3. Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. — Chicago: Nelson-Hall, 1986. — P. 7–24 — URL: <https://www.bibsonomy.org/bibtex/1db877f339bdd1ba1600445798175f3e9/kai17> (дата обращения 04.07.2026).
4. Allport G.W. The Nature of Prejudice / G.W. Allport. — Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1954. — XII, 537 p — URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/221739> (дата обращения 10.07.2026).
5. Дробижева, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации: опыт 20 лет. — М.: Новый хронограф, 2013. — 336 с. (Российское общество. Современные исследования). Источник: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2718> (дата обращения 02.07.2026).
6. Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_1/Drobizheva.pdf (дата обращения: 20.07.2026).

7. Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023 — 69 с. — URL: https://static.iea.ras.ru/books/Tishkov_Natsiya_natsii.pdf (дата обращения 10.07.2026).
8. Паин Э. А. О национальной и цивилизационной идентификации: полемические заметки о концепции Р. Брубейкера с опорой на идеи Л. М. Дробижевой // Историческая этнология. 2026. Т. 11. № 1. С. 101–115. DOI: 10.22378/he.2026-11-1.101-115 https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=14929 (дата обращения: 16.07.2026).
9. Hall, E. The silent language / E. Hall. — New York: Doubleday, 1959. — 240 p. https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV327475/?ysclid=msy57pjj8469396028 (дата обращения: 20.07.2026).
10. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights / W. Kymlicka. — Oxford; New York: Oxford University Press, 1995. — 280 p. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000102949>.
11. Berry J.W. Acculturation: living successfully in two cultures / J.W. Berry // International Journal of Intercultural Relations. — 2005. — Vol. 29, no. 6. — P. 697–712. — URL: https://www.researchgate.net/publication/223355799_Berry_JW_Acculturation_living_successfully_in_two_cultures_Int_J_Intercult_Relat_2005296697-712/ (дата обращения: 24.07.2026).
12. Малькова, В. К., Тишков, В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. — М.: Альтекс, 2002. — 342 с. <https://elib.nlb.by/elib/Record/BY-NLB-br575067/Details#holdings> (дата обращения 18.07.2026).
13. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; Пер. с англ. В. Г. Николаева. — Москва: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. — 286 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000711577> (дата обращения: 10.07.2026).
14. Паин, Э. А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э. А. Паин; Фонд «Либеральная миссия». — М.: Новое издательство, 2004. — 248 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002596318>.
15. Болгов Н. В., Чичулин Н. А., Шевцов В. М. Этнические меньшинства и их роль в обеспечении этнополитической безопасности в России. Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 4. С. 89–96 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-menshinstva-i-ih-rol-v-obespechenii-etnopoliticheskoy-bezopasnosti-v-rossii>.
16. Verkuyten M. The social psychology of ethnic identity / M. Verkuyten. — 2nd ed. — London: Routledge, 2018. — URL: <https://doi.org/10.4324/9781315109527>.
17. Абашин, С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности / Сергей Абашин. — СПб.: Алетейя, 2007. — 304 с. — URL: <https://djvu.online/file/q9oHPDVp83I2p> (дата обращения: 01.08.2026).
18. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-grazhdanskaya-i-etnicheskaya-identichnost-problemy-pozitivnoy-sovmestimosti> (дата обращения: 04.08.2026).

19. Соловьев, А. М. Глава 1 Институциональные и культурные факторы преодоления межэтнических противоречий в образовательной среде вузов России в условиях модернизации и глобализации / А. М. Соловьев, Н. В. Соловьева, К. А. Чебанов // Актуальные проблемы профессионального образования в условиях его трансформации: Коллективная монография. — Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2023. — С. 8–72. — EDN JVDUNV. Текст: непосредственный.

Oleshkevich Tatyana Adolfovna

Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk, Russia

E-mail: to@nevadm.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1164614

Sharipova Madinabonu Rahmon kizi

Educational and Scientific Research Center «Yakhont», Moscow, Russia

E-mail: Madinabonuww@gmail.com

Burlyueva Victoria Arsenyevna

Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk, Russia

E-mail: burlyueva-va@rambler.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=547214

Interethnic communication as a factor in reducing intergroup tensions and strengthening social harmony in multiethnic regions

Abstract. This article examines interethnic communication as a key factor determining the development vector of modern multiethnic societies and as a factor in the transformation of ethnocultural diversity from a potential source of conflict into a resource for social development. Using systemic, institutional, and communicative approaches, the mechanisms by which communication influences social harmony are analyzed. The authors examine the dual nature of ethnic diversity: while serving as a potential resource for generating social capital and enriching culture, in the absence of constructive mechanisms for interaction, it becomes a source of tension and conflict.

An analysis of the mechanisms by which interethnic communication influences intergroup tensions and social harmony allows us to conclude that interethnic communication can contribute to strengthening social harmony by reducing stereotyping and prejudice through positive intergroup contact, fostering a common national identity through a dialogue of cultures, and studying the institutional and communicative barriers to interethnic interaction, including linguistic, psychological, and institutional barriers, as well as the role of social institutions in managing interethnic relations.

The scientific discussion section of the article examines the reductionist understanding of social harmony as the absence of intergroup conflict and proposes a three-level model of communicative integration in a multi-ethnic society (informational, value-based, and behavioral). Key factors for successful interethnic communication are identified: an institutional environment of trust, equality between communicants, shared goals, cultural codes of trust, and a media-educational environment. The authors formulate practical recommendations for ethnonational government bodies on harmonizing interethnic relations and outline prospects for further research on this issue.

Keywords: interethnic communication; social harmony; multiethnic region; intergroup tensions; social capital; multiculturalism; communicative integration; ethnic identity